

Судьба рунических книг из библиотеки Анны Ярославны

Книги из библиотеки Анны Ярославны хранились в аббатстве Санлис почти 800 лет до начала Великой Французской Революции.

Тогда, в 1791 году, при падении монархии, в Версале заседал «Клуб друзей закона», разрабатывающий конституцию рождающейся французской республики. Библиотекарем сего клуба, распоряжающимся также и всеми рукописными древлехранилищами французских королей, тогда на короткий срок стал Пауль Очер, он же русский граф Павел Александрович Строганов (его отец русский вельможа А. С. Строганов был одним из учредителей масонской ложи «Великий Восток Франции», коя в то время была одной из главных организующих сил революции).

При посредстве П. А. Строганова тогда и состоялась передача значительной части королевского архива, в том числе и славянских рунических манускриптов в российское посольство, и так перешла в собственность посла П. П. Дубровского. Петр Петрович тогда приобрёл всё, что представляло ценность, все древние манускрипты Франции — от античных и египетских свитков, византийских книг до книг старофранцузских, писем французских королей и библиотеки Анны Ярославны.

В 1800 году П. П. Дубровский вернулся в Россию. Первые годы на родине ему пришлось очень трудно, ибо он был по навету отчислен из Коллегии иностранных дел и выслан из Петербурга. И только приход к власти царя Александра I в 1801 году отменил высылку П. П. Дубровского.

В 1804–1805 годах П. П. Дубровский устроил на своей квартире что-то вроде «Музеума», куда он приглашал любителей старины и искусства. У него бывали А. С. Строганов, главный директор императорских библиотек, библиофил П. К. Сухтелин, буду-

щий директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин. Бывали у него и ученые — митрополит Евгений Болоховитинов, немец Ф. П. Аделунг.

Кстати, Ф. П. Аделунг составил описание библиотеки П. П. Дубровского и опубликовал его в Лейпциге в 1805–1806 годах, причём в этом описании он упомянул и о рунических книгах из библиотеки Анны Ярославны*.

О библиотеке Анны также сообщила заметка, опубликованная в марте 1805 года в «Вестнике Европы» (№ 5, ч. XX, с. 54): *«Известно, что сия княжна основала аббатство Санлис, в котором все её книги до наших дней сохранились. В сём месте найдены они г. Собирателем (П. П. Дубровским) и куплены недешевою ценою. Упомянутая домашняя библиотека, состоит большей частью из церковных книг, написанных руническими буквами, и других манускриптов от времён Ольги, Владимира... Наши соотечественники, знатнейшие особы, министры, вельможи, художники и литераторы, с удовольствием посещают скромное жилище г-на Дубровского и осматривают богатейшее сокровище веков, которое, конечно, достойно занимать место в великолепнейших чертогах».*

Потом о собрании древностей П. П. Дубровского рассказал «Северный вестник» (1805, ч. 5, № 2, 210–229; ч. 6, № 4, с. 85–98; № 5, с. 207–222).

Однако положение П. П. Дубровского оставалось и в эти годы весьма плачевным. Денег не хватало ни на скромное жильё которое он снимал, ни на содержание родственников (сестёр), переехавших к нему.

Видимо, тогда, чтобы как-то свести концы с концами, он и продал некоторые рукописи из своей кол-

* См.: Nachricht von der Dubrowskischen Manuscripten Sammlung in St. Petersburg. — In: Russland unter Alexander dem Ersten: Eine historische Zeitschrift /Hreg. von H. Storch St. Petersburg; Leipzig, 1805, Bd. VI, S. 254–276, 1806, Bd. VIII, S. 82–113.

лекции (и есть основания полагать, что именно самые ценные, рунические книги из библиотеки Анны) крупнейшему коллекционеру начала XIX века, ученому-археографу Александру Ивановичу Сулакадзеву, с которым Петр Петрович был дружен.

Передача их коллекционеру А. И. Сулакадзеву была оправдана и тем, что в государственных хранилищах они вряд ли смогли бы уцелеть, ибо в них орудовали немецкие профессора, вывозившие ценнейшие манускрипты из России. Они тогда стали развивать «норманскую теорию» и объявили Россию варварской страной.

В дальнейшем судьба П. П. Дубровского не раз менялась. Он был и в милости у императора, стал директором «Депо манускриптов» при Публичной библиотеке, построенной при участии А. С Строганова. А потом, и вновь по навету, попал в немилость, кончил свою жизнь в нищете.

Нас же интересует дальнейшая судьба славянских рунических манускриптов, тех, что в один из сложных периодов жизни П. П. Дубровский продал А. И. Сулакадзеву.

До нас дошел каталог рукописей библиотеки А. И. Сулакадзева, так называемый «Книгорек»*. В нём, в отделе *«книги непризнаваемые, коихъ ни читать, ни держать в домехъ не дозволено»*, он, по видимому, упоминает и «Книгу Велеса».

Там записано: *«Патріарси. Вся вырезана на буквыхъ доскахъ числомъ 45»*, внизу прибавлено: *«Ягила Гана смерда в Ладогѣ IX века, о переселенцахъ варяжскихъ и жрецахъ и письменахъ, въ Моравію увезено»*.

«Патріарси» значит — «Патриархи». Возможно, Александр Иванович здесь имел в виду рассказы о

* Этот каталог был опубликован А. Н. Пыпиным в книге «Подделки рукописей и народных песенъ». СПб., 1898.

прародителях из «Книги Велеса». Ягил Гана, он же Ягайло Ган по происхождению, видимо, западный славянин, ставший ладожским и новгородским волховом. Он создатель и составитель сего извода «Книги Велеса», а также и хранитель и копировщик более древних хроник.

Непонятна заметка о том, что именно и когда было увезено в Моравию. Может быть, в Моравию была увезена какая-то копия «Книги Велеса»? Или до нас дошла копия?

В каталоге А.И. Сулакадзева указан и иной извод «Книги Велеса»: *«Криница, 9 века, Чердыня, Олеха Вишерца, о переселеніях старожилыхъ людей и первой вере»*. Кстати, есть город Чердыня на реке Вишера в Пермской области, бывшей вотчине Строгановых: сию книгу А.С. Сулакадзев скорее всего приобрёл у сих меценатов, поддерживавших российскую науку и изучение славянских рун.

Собрание А.И. Сулакадзева представляло из себя целую библиотеку славянских ведических книг, лишь некоторые из них могут быть с той или иной степенью уверенности отождествлены с ныне известными. Например, «Молніяникъ», «Китоврас», «Пчела» и т. д. Но иные названия «отречённых» книг, либо заметки, толкующие их содержание, ничего не говорят современным исследователям.

Например, *«Лобъ Адамль, X века, рукоп. смерда Внездилища, о холмахъ новгородскихъ, тризнахъ Злогора, Коляде вандаловой и округе Буриvoja и Владиміра, на коже белой»*, *«Коледникъ V века дунайца Яловца, писан. въ Кіеве, о поклоненіяхъ Тройскимъ горамъ, о гаданіяхъ въ печерахъ и Днепровскихъ порогахъ русалами и кикиморами»*, *«Волховникъ... рукопись VI века Колота Путисила, жившаго в Русе граде, въ пещере»*, *«Поточникъ 8 века, жреца Сонцеслава»*, *«Путник IV века»*, некая рукопись *«Перуна и Велеса вещанія в киевскихъ капищахъ жрецамъ Мовеславу, Древославу и прочим...»*,

относящаяся к V либо VI веку. Была у Сулакадзева и какая-то книга, «писанная рунами».

Особо интересен следующий памятник. «*О китоврасе; басни и кощуны*» (примечание: «*На буквых досках вырезано и связаны кольцами железными, числом 143 доски, 5 века на славенском*»). Вероятно, в неё входил прообраз известной сегодня повести о «Соломане и Китоврасе», в которой без сомнения угадывается позднее, с привитыми библейскими мотивами, переложение древнего ведического мифа. Как представляется, эта книга была собранием славянских мифов, реставрация которых ныне возможна только по устным легендам и дошедшим до нас народным книгам (смотри «Звёздную книгу Коляды», М., 1996).

В начале XIX века о славянской рунической библиотеке говорили много. Особенно популярна была эта тема в учрежденном А. С. Строгановым, также Голицыными и Воронцовыми, Неклюдовыми и знаменитым поэтом и вельможей, министром юстиции, Г. Р. Державиным обществе «Беседе любителей русского слова». Кстати, именно у наследников Неклюдовых уже в XX веке была обнаружена сама «Книга Велеса».

В «Беседе» бывали тогда крупнейшие деятели культуры, прославленные литераторы, к примеру Пушкин, Гнедич и другие. Бывал там и историк Карамзин, знаменитые антиквары, учёные. Обсуждались тогда в сем обществе и рунические книги из сей коллекции, затем перешедшие к антиквару Александру Ивановичу Сулакадзеву. Тогда же Г. Р. Державин в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» (Кн. 6. СПб., 1812) опубликовал несколько строк из рунического «Боянова гимна» и два «новгородских оракула».

Тема славянских рунических памятников получила хождение и даже известность в кругах высшей знати. На собрания в «Беседе любителей русского

слова», проходивших в великолепном дворце Г. Р. Державина, что близ Измайловского моста, собиравший весь столичный высший свет. О сей новой моде мемуарист В. Ф. Вигель писал тогда так: *«Прекрасный пол являлся (на собраниях в «Беседе») в бальных нарядах»; «дамы и светские люди, которые ровным счётом ничего не понимали в происходившем, не показывали, а может быть даже и не чувствовали скуки. Они были исполнены мысли, что совершают великий исторический подвиг...»*

Однако вскоре «мода» прошла, а когда ушли из жизни Г. Р. Державин и А. С. Строганов о славянской рунике «в свете» и вовсе забыли. Спустя пять лет после известий о сенсационной находке славянских древностей, упоминания о сих рунических рукописях внезапно исчезли даже из печати. На двести лет! Только ныне нам удалось завершить ту работу и опубликовать полностью «Боянов гимн» и «Книгу Велеса».

Почему так получилось? Очевидно, что всё дело было в реакции православных учёных-филологов на предлагаемые памятники. А она была подобна отклику некоторых современных учёных на «Книгу Велеса». Лингвист А. Х. Востоков (наст. фамилия Остен-Сакен) так в частном письме охарактеризовал язык одного памятника из собрания А. И. Сулакадзева: *«Исполненное небывалых слов, непонятных словосокращений, бессмыслицы, чтобы казалось древнее»*. Языковому анализу «отречённые книги» не подвергались, опубликованы не были. И поныне всё «языческое» у нас клеймится. И очень непросто возвращать в национальную и мировую культуру сокровища древнеславянской мысли, поэзии и искусства.

Сохранились и следы дальнейших странствий славянских рунических рукописей. После смерти А. И. Сулакадзева его вдова София фон Гоч-Сулакадзева (в девичестве Шредер) стала распродавать его

манускрипты. Кое-что было куплено коллекционерами (так, в собрании Дурова, хранящемся ныне в РГБ, до нас дошёл «Буквзор» и некоторые иные важные бумаги А. И. Сулакадзева). Копия «Оповеди» и ныне хранится в Финляндии, в Новом Валаааме (и до сих пор не опубликована, хотя с ней знакомилась многие учёные). А дощечки «Книги Велеса» приобрёл член «Беседы любителей русского слова» граф Николай Васильевич Неклюдов (подробнее об этом чуть ниже). Также часть рукописей попала в Эрмитаж, в библиотеку императора.

С эрмитажным собранием славянских рунических рукописей знакомилась в 1880-х годах археографическая комиссия во главе с председателем её, известным «норманистом» А. А. Куником, согласно его письму, хранящемуся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (стоит ли удивляться тому, что сия комиссия никак не отреагировала на славянские руны?).

В 1928 году в «Сборнике отделения русского языка и словесности» (Том 101, № 3) вышла статья киевского историка Миколы Макаренко «Молитвенник великого князя Владимира и Сулакадзев». В сей статье Микола Макаренко упомянул о том, что в 1916 году он копировал в Эрмитаже рунические рукописи из собрания А. И. Сулакадзева (к сожалению, эти копии погибли в 1971 году в Казани после смерти его вдовы).

Известно также (со слов Хранителя Эрмитажа Б. В. Сапунова, коему рассказал прежний Хранитель), что в 1919 году библиотека и архив императора были конфискованы и вывезены ЧК из Петербурга в Москву, где их поместили в ЦГАОР (ныне Госархив РФ). Но теперь в этом архиве нет сих рукописей, хотя есть следы интереса императорской фамилии, например, к отзывам Евгения Болховитинова о «Бояновом гимне», там хранится подлинник одного отзыва, привезённый из Новгорода (надо было постараться, чтобы отыскать сей отзыв в частном ар-

хиве, надо было знать что искать и где, а это непросто).

Большая часть библиотеки императора была распродана в 1931 году советским правительством. Так, известному нью-йоркскому букинисту Перлштейну тогда было продано 1 тыс. 700 томов (в сущности, он купил оптом всю библиотеку Николая II). Впрочем, если верить американским каталогам, в сём собрании не было старинных манускриптов.

Сохранились также следы интереса к руническим манускриптам со стороны одного спецотдела ГПУ, который неофициально называют «оккультным», или «13-м» отделом (начальник Г. И. Бокия). Так, сохранилось письмо эксперта сего отдела А. В. Барченко за 1928 год, в коем он обсуждал с тибетологом Цыбиковым славянские руны. Может быть, где-то в тех архивах и поныне хранятся какие-то следы славянских рунических рукописей, но утверждать это мы сейчас не берёмся. Мест, в том числе и за рубежами России, где могут находиться следы сих манускриптов, множество. Нужна программа поисков и серьёзное их финансирование.

Так или иначе, но многие книги из собрания А. И. Сулакадзева исчезли и, по-видимому, безвозвратно. Но кое-что ещё может быть найдено — так, как это и произошло с «Книгой Велеса».

Следы сей книги после продажи её Николаю Васильевичу Неклюдову после 1830 года также имеются. Дело в том, что сия книга была найдена в усадьбе Задонских-Неклюдовых под Великим Булюком в 1919 году. А об истории усадьбы Задонских* и её библиотеки было рассказано непосредственно владелицей и наследницей сокровищ своего рода, Екате-

* Кстати, и усадьбу, и самих Задонских объявляли «выдумкой фальсификаторов» Буганов В. И., Жуковская Л. П. и Рыбаков Б. А. в статье «Мнимая „Древнейшая летопись“». «Вопросы истории», № 6, 1977.

риной Васильевной Задонской, в девичестве Неклюдовой (1834–1919) в книге «Быль XIX столетия», выпущенной в Харькове в 1908 году.

Начинается книга мемуаров Екатерины Васильевны со слов для нас замечательных: *«В старину свято хранили семейные предания. Наши деды с точностью знали своё родство, своё происхождение и все дела своих отцов. Наши бабушки за грех почитали, что их внуки забывали о предках своих...»* Это святое преклонение перед предками, перед наследством, оставшимся от них, судя по всему и спасло «Книгу Велеса». И можно понять, что именно на неё постоянно ссылается Е.В. Задонская, именуя сей манускрипт: *«Дедушкиной Книгой»*

Эта *«Дедушкина Книга»*, по её словам, наполнена *«откровениями и повелениями»*. Екатерина Васильевна даже пишет, что сия «Книга» *«пробуждает в ней иные силы»*, и поэтому она идёт по *«пути света»*, или по *«пути мистиков»*. И в сём «Пути» мы узнаём «Путь Прави» из текстов «дощечек».

Рассказывает Екатерина Васильевна Задонская-Неклюдова и о самом своём деде, у коего она унаследовала «Книгу Велеса». О том самом деде, Николае Васильевиче Неклюдове, который, по её словам, *«передал своим даровитым и умным детям»* некое «высшее сокровище», под коим подразумевается «вера отцов». Кем же был этот Николай Васильевич Неклюдов?

Родился он в 1762 году, а год смерти в точности не известен (судя по мемуарам, не ранее 1848 и не позже 1859). Николай Васильевич был из знатного рода Неклюдовых, кои являются отраслью рода Бутурлиных и также происходят от Ратши, киевского тиуна (летописное сообщение 1146 г.) и его сына новгородского посадника Якуна Ратшича. Они были в родстве со многими знатнейшими родами России, в том числе и с царской фамилией.

Во времена Екатерины Великой Николай Васильевич был генералом. А потом работал и в археологическом Библейском обществе, потом в «Беседе любителей русского слова», то есть входил в то же розенкрейцерское братство меценатов и учёных, что и Строгановы, Голицыны, а также П.П. Дубровский и А.И. Сулакадзев. Подолгу жил в Петербурге, да и потом после отъезда в имение (под Тверью) держал учёную переписку с друзьями, ездил в столицу по делам. Очевидно, в один из таких приездов он и приобрёл у вдовы А.И. Сулакадзева дощечки «Книги Велеса» и, может быть что-то иное, по крайней мере, Екатерина Васильевна упоминала кроме «Дедушкиной Книги» и некоторые другие. Например, в одной из тех книг говорилось, что кроме истинных прозрений и откровений бывают и ложные, но только правдиво выглядящие (это из «Перуна и Велеса вещаний»?).

А сама великая «Дедушкина Книга» впоследствии была унаследована Екатериной Васильевной, которая и перевезла её, вместе со всей дедушкиной библиотекой, в имение мужа, во дворец князя Задонского. Такой и была судьба одной из книг библиотеки А.И. Сулакадзева.

Идя по следу сих рукописей нами также был найден в рукописном хранилище библиотеки РНБ в Санкт-Петербурге другой манускрипт из той же библиотеки, а именно «Боянов гимн». И не исключено, что это не последняя находка. Но без поддержки продолжать исследования (особенно в зарубежных архивах) крайне трудно.

Помощь нам крайне нужна, но доселе таковой нет и вряд ли предвидится. И это уже ныне ведёт к гибели оставшиеся рунические памятники. Но как же была спасена сама «Книга Велеса» в XX веке?